

В ЭТОМ НОМЕРЕ 12 СТРАНИЦ.

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 476

16 JUILLET 1954

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

10-й ГОД ИЗДАНИЯ
DIXIÈME ANNÉE.

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

40 frs

ОСНОВАТЕЛЬ А. Ф. СТУПНИЦКИЙ

Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2 — Tél.: CEN. 44-27.

Fondateur A. Stoupnitzky

БОЛЕЗНЬ, СМЕРТЬ, ПОХОРОНЫ

ПРЕДЕЛЕННЫЕ симптомы туберкулеза появились у Чехова в 1884 году, вскоре после окончания им университета. Замечатель-

но, что, будучи уже врачом, он долгое время не придавал им серьезного значения, приписывая развивающуюся слабость, а временами и кровохарканье, всякого рода другим причинам. Близкие к Чехову люди утверждают, что он делал это по свойственной ему скромности, не желая вызывать лишнего разговора о своей персоне и обременять окружающих заботами о его здоровье. Через несколько лет он понял, что жизнь в городе ему вредна и поручил своему приятелю А. И. Смагину, жившему на Украине, подыскать ему там хутор.

«Если я в этом году», — писал он ему в 1891 г., — мне переберусь в провинцию, и если покупка хутора почему-либо не удастся, то я по отношению к своему здоровью разыграю большого злодея. Мне кажется, что я расхожусь, как старый шкаф, и что если в будущий сезон я буду жить в Москве и предаваться бумагомарательным излеществам, то Гитаровский прочтет прекрасное стихотворение, приветствуя вхождение мое в тот хутор, где тебе ни посидеть, ни встать, ни чихнуть, а только лежи и больше ничего. Уехать из Москвы мне необходимо».

Как известно покупка хутора на Украине не состоялась — вместо него было куплено подмосковное имение Мелихово.

К концу девятидесятых годов болезнь Чехова настолько обострилась, что врачи категорически предписали ему переселиться на юг (в свете нынешних методов лечения туберкулеза подобное предписание представляется настоящим преступлением). Чехов инстинктивно чувствовал, что Ялта не приносит ему пользы. В своем ялтинском доме он томился и скучал, не раз он говорил, что Москва с ее морозами ему гораздо полезнее — и был в этом отношении совершенно прав. После зимы 1903-1904 гг. ему удалось убедить в этом окружающих, и были начаты даже поиски дома для него под Москвой, но было уже поздно, болезнь неутомимо развивалась. Некоторое время он вернулся в Ялту, а затем было решено отвезти его за границу, в Швейцарию.

Из Ялты Чехов в последний раз уехал 1 мая 1904 г. Езда в жарком и пыльном вагоне истощила его, и в Москву он приехал совершенно больным. Он был так слаб, что к нему никого не пускали. Визитный его в эти дни университетский товарищ доктор Россолимо оставил описание этого визита:

«Чехов пожелал меня видеть и вызвал к себе несколькими словами на клочке бумаги... Собрался я к нему в бесконечные сумерки жаркого безоблачного дня; было душно, на небе и на земле лежал пыльный-бледный тон; город казался вымершим, и редкие люди, огненно бродившие по пустынным улицам мимо зеркальных окон запертых магазинов, напоминали мух на лице покойника... Войдя в кабинет, я застал Чехова в постели у стены, изголовьем к окну, у которого за письменным столом, при лампе под зеленым абжуром, сидела обложившись Ольга Леонардовна... В комнате царил полумрак... Рука больного была суха и горяча, щеки горели; в прерывавшемся одышкой голосе звучали радостные и бодрые нотки. На вопрос о здоровье, он пожаловался на мучительные кишечные расстройства... К основной, легочной болезни он отнесился с обычным у таких больных оптимизмом».

В гораздо более мрачных тонах описывает свою последнюю встречу с Чеховым Н. Телешов:

«Последняя наша встреча была в Москве, накануне отъезда Чехова за границу. Случилось так, что я зашел к нему днем, когда в квартире никого не было, кроме прислуги. Перед отъездом было много всяких забот, и все его семейные хлопотали без устали.

Я уже знал, что Чехов очень болен, — вернее, очень плох, и решил занести ему только прощальную записку, чтобы не тревожить его. Но он велел догнать меня и коротко уже с лестницы.

Хотя я и был подготовлен к тому, что увижу, но то, что я увидел, превосходило все мои ожидания, самые мрачные. На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате, с пледом на ногах, сидел тоненький, как будто маленький, человек с узкими плечами, с узким бескровным лицом — до того был худ, изнурен и неузнаваем Антоном Павловичем. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться».

А он протягивает слабую восковую руку, на которую страшно взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже не улыбающимися глазами и говорит:

— Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать.

(Он сказал другое, не это слово, более жесткое, чем «умирать», которое не хотелось бы сейчас повторять).

Умирать ему, действительно говорил он, — Поклонитесь от меня товарищам вашим по «Среду». Хороший народ у вас подобрался. Скажите им, что я их помню и некоторых очень люблю. Пожелайте им от меня счастья и успеха. Больше уже мы не встретимся.

Тихая, сознательная покорность отражалась в его глазах.

А Бунину передайте, чтобы писал и писал. Из него большой писатель выйдет. Так и скажите ему это от меня. Не забудьте.

Сомневаться в том, что мы видимся в последний раз, не приходилось. Это было ясно. Я боялся заговорить, в эти минуты полным голосом, боялся зашептать сапогами. Нужна была какая-то тишина, нужна была с открытой душой принять те немногие слова, которые были, несомненно, для меня последними, и исходила от чистого и прекрасного — чеховского — сердца.

На другой день он ушел».

Это происходило 3-го июня, а 8-го, после остановки в Берлине для совета с врачами, Чехов с О. Л. Книппер прибыл в Баденвейлер, маленький курорт в Шварцвальде, и остановился в гостинице «Зоммер». Она и оказалась его последним жилищем.

Сразу по прибытии ему, впрочем, стало лучше. Так, 12-го он написал сразу четыре больших письма, из которых в трех к сестре, В. М. Соболевскому и доктору Куркину — повторяется одна и та же фраза: «Здоровье входит в меня не золотниками, а пудами». Он уже строит планы возвращения — не простого, а оригинального, интересного: через Триест, Марсель и Одессу пароходом в Ялту. Сестре он пишет: «Меня неистово тянет в Италию».

Улучшение, однако, было лишь кажущимся. В ночь с 1-го на 2-е июня (по старому стилю) наступила развязка.

О последних минутах Чехова остался хорошо известен рассказ О. Л. Книппер. Приведем из него лишь один, менее известный отрывок, ярко характеризующий облик Чехова.

«Даже за несколько часов до смерти», — рассказывает О. Л. Книппер, — «он заставил меня смеяться, выдумывая один рассказ. После трех тревожных, тяжелых дней ему стало легче к вечеру. Он послал меня пройтись по парку, так как я не отлучалась от него все эти дни, и когда я пришла, он все беспокоился, почему я не иду ужинать, на что я ответила, что гонг еще не прозвучал. Гонг, как оказалось после, мы просто пропустили, а Антон Павлович начал придумывать рассказ, описывая необычайно модный курорт, где много сытых жирных банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть, краснотелых англичан и американцев, и вот все они, кто с экскурсиями, кто с катаньем, с пешеходной прогулкой — одним словом отовсюду собираются с мечтой хорошо и сытно поесть после физической усталости дня. И тут вдруг оказывается, что повар сбежал и ужина никакого нет, — и вот, как этот удар по желудку отразился на всех этих избалованных людях... Я сидела прикуривая на диване после тревоги последних дней и от души смеялась. В готовую не могла прийти, что через несколько часов я буду стоять перед телом Чехова».

Цинковый гроб с останками Чехова был вынесен из гостиницы на другой день ночью, почти тайком:

владельцы курортных гостиниц не любят отвлекать летний отдых своих клиентов подобными сценами. 5-го июня, в товарном вагоне (яко следствие много писали о том, что на этом вагоне так и осталась надпись: «для устриц») он был направлен в Россию и 9-го июля прибыл в Москву. К этому времени здесь уже образовался похоронный комитет, возглавляемый редактором «Русской Мысли» В. А. Гольцевым.

О похоронах тоже осталось много воспоминаний, — в частности, острейшие замечания Горького. Наибольший интерес представляют опубликованные лишь в 1935 году в «Красном архиве» официальные документы, свидетельствующие о том, что московские власти были очень насторожены, как бы на похоронах не произошло какой-либо демонстрации. С владельца бюро похоронных процессий была взята подписка, обязывавшая его при следовании гроба с Николаевского вокзала на Новодевичье кладбище ни в коем случае не уклоняться от указанного ему маршрута, составленного в охранном отделении и утвержденного московским обер-полицмейстером. Очень любопытно письмо последнего к Невровичу-Данченко:

«Московский обер-полицмейстер, свидетельствуя свое почтение, имеет честь уведомить вас, милостивый государь, что при следовании похоронной процессии с телом покойного писателя А. П. Чехова мимо Художественного театра и мимо редакции «Русской Мысли», разрешается отлучить дитя, но при условии не произносить при этом никаких речей или надгробных слов, посвященных памяти покойного».

С момента прибытия гроба на вокзал и до конца погребения в охранное отделение непрерывно поступали телеграфные и телефонные рапорты. Телефонное донесение, отправленное тотчас по выходе процессии с Николаевского вокзала, гласит:

«Околоточный фабричной полиции передал, что рабочие у Гуслава Луста вышли все своевременно на работу, каковую и продолжают».

В другом донесении сообщается, что гроб провожает много народу, «тут и Максим Горький».

В процессии, действительно, шел Максим Горький, оставивший об этом дне несколько описаний. Одно из них было опубликовано по случаю десятилетия годовщины смерти Чехова.

«Гроб писателя, так «снежно-любимого» Москвою, — писал Горький — был привезен в каком-то зеленом вагоне с надписью крупными буквами на дверях его: «Для устриц». Часть небольшой толпы, собравшейся на вокзал встретить писателя, по ошибке пошла за гробом привезенного из Манчжурии генерала Келлера и очень удивилась тому, что Чехова хоронят с оркестром военной музыки. Когда ошибка выяснилась, некоторые веселые люди начали ухмыляться и хихикать. За гробом Чехова шагало человек сто, не более; очень памяты два адвоката, оба в новых ботинках и пестрых галстуках — женихи. Издали их, я слышал, что один, В. А. М., говорит об уме собак, другой, незнакомый, расхваливал удобства своей дачи и красоту пейзажа в окрестностях ее. А какая то дама, в лиловом платье, идя под кружевным зонтиком, убеждала старика в роговых очках: «Ах, он был удивительно милый и так остроумен».

Другое воспоминание Горького о похоронах Чехова вошло в его письмо к жене, опубликованное лишь в 1951 году.

«От Николаевского вокзала» — пишет Горький, — «до Художественного театра я шел в толпе и слышал, как говорили обо мне, о том, что я похуел, не похож на портреты, что у меня смешное пальто, шляпа обрызгана грязью, что я напрасно ношу сапоги, говорили, что грязно, душно, что Шляпин похож на пастыря и стал некрасив, когда остриг волосы, говорили обо всем — собирались в трактиры, к знакомым и никто ни слова о Чехове. Ни слова, уверяю тебя».

Яркую и повидимому наиболее точную картину похорон дает в своих воспоминаниях брат Чехова, Михаил Павлович.

«Несметные толпы народа сопровождали гроб, причем на тех улицах, по которым его несли, было прекращено движение трамваев и экипажей... Московские молодежь взошедшие за руки и составившие таким образом человеческий хоронид в

диаметре никак не менее полуверсты, окривела кортеж от многих тысяч сопровождавших, желавших протиснуться к гробу».

Так мы дошли до самого монастыря. Когда же процессия стала входить в узкие монастырские ворота, началась такая давка, что я пришел в настоящий ужас. Если бы не та же распорядительная молодежь, дело не обошлось бы без катастрофы. Слышались возгласы, стоны. Наконец, ввалилась в кладбище вся толпа — и стал трещать кресты, валиться памятники, рушиться решетки, затоптываться цветы».

Последнее полицейское донесение

Второе погребение

В 1933 г. состоялось перенесение праха Чехова со старого, упраздненного кладбища Новодевичьего монастыря, в котором он пролежал 30 лет без нескольких месяцев, на новое кладбище того же монастыря. Вот как описывает эти «вторые похороны» Н. Телешов в своих «Воспоминаниях»:

«16 ноября 1933 года, в час дня, собралось возле могилы несколько человек. Здесь были немногие артисты Художественного театра — Книппер-Чехова, Москвин, Башиневский, были члены президиума Чеховского общества, фотограф, несколько родственников и знакомых. День выдался очень студеной, совершенно зимний, с колючим снегом и ледяным ветром».

Почти три часа потребовалось на то, чтобы отбить застывшую землю и выбросить ее на снег. Терпеливо и безмолвно стояли собравшиеся долгое время. Какое-то жуткое настроение мешало разговаривать. А землю все копали и копали под налетами сухого, жгучего ветра. Уже зимние ранние сумерки начали нагнать, когда, наконец, до рылись до шпиковой крышки и начали подводить канаты, а затем, с немалыми трудностями, вытянули из ямы на поверхность, на белый снег, сильно помятый серый гроб и поставили его на деревянные салазки, кое-как сколоченные из тесовых остатков. Но Москвин возразил:

— Нет, давайте понесем на руках!

И первый взялся за металлическую скобку гроба.

Так в торжественном безмолвии перенесли мы на руках прах писа-

ние, сделанное ровно в 4 часа дня, гласило:

«Тело Чехова предано земле, говорили много речей, публично очень много».

Между тем в газетных отчетках ни о каких речах упоминания нет. Расхождение это, повидимому объясняется тем, что, так сказать, официальных речей, действительно, не было, но когда родные и друзья писателя уехали, собравшиеся в огромном количестве публичная еще долго не расходилась, и тогда то начались речи, стихи и т. д. Публику не разогнал даже начинавшийся сильный дождь.

Тело Антона Павловича было погребено рядом с могилой его отца.

теля на новое кладбище, туда, где Художественному театру отведена большая площадь, засаженная новыми деревьями, цветущими весной. В этом «виновном саду» была уже приготовлена новая могила, вблизи аллей с могилами артистов и писателей, умерших за последние годы; сюда же перенесен был недавно из бывшего Данилова монастыря прах Гоголя».

Молча подошли мы к новой — второй — чеховской могиле. Гроб перед спуском стоял уже на помосте. Вдруг один из могильщиков наклонился к изголовью и начал отщипывать листы цинка, трудные от времени. Ключья отдирались легко, точно старый картон. В боку гроба быстро образовалось отверстие. Заглянув в него, могильщик сказал довольно громко, очевидно, для всех:

— Одежда целая. И весь он цел. И волосы к черепу прилипли.

Тогда в ответ раздались голоса присутствующих:

— Оставьте его в покое. Не трогайте. Закройте!

Кто-то подал сейчас же кусок дерева, чтоб загородить продавленную щель, и гроб начал опускаться. Быстро и безмолвно засыпали щель, над которой вырос свежий небольшой холмик заморозившей земли. В торжественном молчании прошло несколько минут. Жесткой снежной крупной быстро стал покрываться холмик, точно белой пеленой. Затем все молча разошлось по своим делам, по своим домам. Ранние зимние сумерки нагнали над городской окраиной серой дымкой.